

Дмитрий ЦИЛИКИН, журналист

Сокуров снял маленький чудесный фильм — «Восточная элегия». Остров, на нем японский городок, пустынный, как только во сне и бывает, кажется, из тумана возникают старые люди, мужчины и женщины, они рассказывают какие-то немудрящие истории про свою жизнь... От слов их, сказанных легко и покойно, становится вдруг, по словам Ходасевича, «на сердце и свежо, и горьковато». Режиссер в который уж раз показывает, как велики могут быть простые формы бытия. Впрочем, «Восточная элегия», полная красоты и мудрости, несомненно, предназначена не для того, чтоб описывать ее, но — видеть.

Проект осуществлен возглавляемым Сокуровым «Северным фондом» при участии «Ленфильма» и крупнейшей японской телерадиокорпорации NHK. Кажется, впервые в Японии на гостелевидении делал картину иностранец. Как это вышло? — об этом первый вопрос режиссеру.

— Мне кажется, я воспринимаю эту страну, ее народ, ее историю не головой, не знанием, а чувствами. Меня поражают в японцах внутренняя независимость и целостность. При этом в моем представлении японцы — самая трагичная современная нация, эмоционально, духовно, социально уставшая и даже сломленная, как ни одна другая из тех, что я знаю. Мне видится огромная сопоставимость натуры российской и японской. Переводчица, которая все время с нами работает, Хироко Кодзима, сказала как-то поразительную вещь: океан вокруг японцев, но океан внутри русских. То есть океан внутри нации — стихия, неопределенность, потерянности и несоединимости людей, незначимость личности. Океан же снаружи — концентрация, целенаправленность, понимание ценности человека.

До сих пор я знаю только три-четыре японских слова, но иногда ловлю себя на мысли, что пони-

Хотя определенную часть финансирования взяли на себя японцы, смета была очень маленькая, и все декорации, сделанные художником Верой Зелинской, часть натуры мы с оператором Алексеем Федоровым снимали здесь. Буквально сбрасывались деньгами и снимали.

— Ваш фильм — восьмой из цикла элегий. Легко увидеть, что

— То есть возможна еще одна элегия о, допустим, Борисе Ельцине?

— Конечно, почему же нет? Человеческий интерес к Ельцину как был, так и остался, что мне нравилось в нем то и нравится. Для меня очень важно понимать, как через человека проходит дух власти, как ее крыло покрывает его. Россия не настолько одухотворенная, абстрактно-идеальная

как когда я долгие годы жил в коммуналке на Кировском проспекте, выходил из дома и через десять шагов видел огромный портрет Брежнева. Это странное существо, которому ночью подрисовывали звезды, брови эти — тоже часть моей жизни.

Предыдущий фильм, связанный с Ельциным, заканчивался кадрами дороги — непонятно, кто по ней едет... Новый замысел всегда очень трудно сформулировать, это три-четыре кадра, но в новой работе можно было бы показать некий драматургический пик всей его жизни... Хотя у меня нет никаких экономических оснований не только для работы — для жизни. Как и у всех. Я так же, как все, кто работает в области культуры, не знаю, на что буду жить завтра, будут ли у меня деньги заплатить за квартиру, за свет...

Тем не менее Сокуров работает. Российский зритель в отличие от японского еще не видел «Восточную элегию» (сейчас завершены переговоры о показе ее по НТВ), а режиссер уже занимается подготовкой новой игровой ленты: «Скромная небольшая картина, где всего два персонажа — мать и сын, которые очень любят друг друга, до такой степени, что вообще друг без друга не могут жить. Государство взяло на себя груз финансирования, смета у нас самая маленькая, какая только может быть...». Как говорит один из героев «Восточной элегии», «в жизни все так сложно. Вот не нужна война, а воюют». Но Александр Сокуров верен своей максиме: нужно работать в тех условиях, которые существуют, иначе все будет против замысла.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ.

Александр Сокуров заговорил по-японски

маю, о чем говорят рядом со мной. Все пять поездок в Японию были связаны с показом моих картин, которые там имеют, как мне кажется, какое-то значение для определенного круга людей, может быть, большее, чем в России. В одном интервью меня спросили, хотел бы я что-то сделать в Японии, я ответил, что это возможно, если будут конкретные предложения. Видимо, в качестве реакции на мои слова последовало предложение компании NHK. Но, конечно, если говорить прямо, огромное значение имело участие в судьбе проекта японской интеллигенции — университетских профессоров, писателей, журналистов, которые поддерживали телевидение в его намерении.

реальные, конкретные люди (Мария Войнова, Шалапин, Тарковский, Ландсбергис, Ельцин, наконец) покинули пространство последних двух работ — «Элегии из России» и «Восточной элегии». Означает ли это, что вы больше не видите личностей, представляющих интерес?

— Нет, это означает только то, что в определенный момент у меня появилась некая идея, которая материализовалась в какую-то форму, скажем, «Восточной элегии», и это совпало с экономическими возможностями. Я поставил перед собой задачу: успеть в жизни сделать двадцать пять элегий и без крупных человеческих личностей не обойтись.

страна, как пытаются ее изобразить. И народ вовсе не настолько романтический и непредсказуемый, чтобы хвататься за голову. Причина того, что объективная историческая ситуация становится все сложнее и сложнее, не в действиях коммунистов или Ельцина. Причина — в качестве самого народа. Качество — не в смысле хорошем или плохом, я имею в виду саму суть, глубинное содержание. Кроме того, в России нет никаких общенациональных механизмов, существует только отдельная от всего Москва и остальная — совершенно раздробленная страна.

Что касается Ельцина, то он — часть моей жизни, я не могу относиться к нему иначе. Так же,

Известия. - 1996. - 10 февр. - с. 5

Сокуров Александр
10.04.96